PG
3320
.A1P67

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

PLACH' ROSSIANKI

PG3320
.A1P67

ПЛАЧЬ

РОССІЯНКИ,

НА РАЗВАЛИНАХЪ МОСКВЫ.

Grave est malum omne, qvod sub aspectu latet.
ex proverb. Senecae.

Неслыханное вѣроломство и наглость, всякое вѣроятіе превосходящія, колико вы опасны и гибельны для земнородныхъ васъ невѣдающихъ, въ мирной тишинѣ дни свои провождающихъ! Предъ вами всё сокрушается и гибнетъ: такъ сокрушитесь и вы: Зане есть Богъ смиряющій гордыню. Но доколѣ Онъ коснитъ въ яромъ гнѣвѣ своемъ, броситъ громъ на злодѣевъ — свирѣпствуйте! свирѣпствуйте!

Се градъ знаменитый древностію, хранящій священные останки доблественныхъ Государей и гражданъ, громко вопіетъ о неистовствѣ изверговъ. Здѣсь безсмертный Пожарскій, искупилъ

нѣкогда своею кровію свободу Русскаго народа, здѣсь бранноносные Князья Россійскіе, торжествовали побѣду надъ гордыми сопостатами; теперь видны однѣ только развалины, поражающія блуждающій взоръ странника. Мрачность и пустота вѣщаютъ паденіе древнихъ стѣнъ. Померкшія красы твои, о Москва! раздираютъ сердце мое. — Я сижу посреди развалинъ твоихъ — и сей дикій камень, служившій основаніемъ можетъ быть великолѣпнѣйшему зданію, напоминаетъ мнѣ о твоемъ величіи; журчащія струи твои, Москва, катятся мѣдленно у ногъ моихъ. —

О время! ревностный сподвижникъ земныхъ разрушителей, останови быстрое теченіе твое, и дай оплакать нещастіе собратій.

Серые холмы, мрачные лѣса хранятъ безмовіе — поблекшіе листы тихо падаютъ съ деревъ, наполняя душу мою какимъ-то неизчерпаемымъ, непонятнымъ чувствованіемъ. Поля, оставленныя рукою прудолюбиваго земледѣльца не услаждаютъ болѣе взора странника, и онъ

среди обширныхъ долинъ, тщетно ищетъ цвѣтка, на которомъ бы могъ остановиться. Неистовое изувѣрство, вооруженное мечемъ и пламенемъ, все истребило; всюду видны бѣдственныя слѣдствія войны кровопролитной.

Шумите лѣса, бушуйте вѣтры, пѣнитеся рѣки, и мрачнымъ шумомъ своимъ приводите въ трепетъ, дерзнувшихъ возгнѣтить пламень въ великой Столицѣ. Остановi теченіе свое рѣка соименная оной: пали гордыя стѣны орошаемыя тобою. Такъ разлейся же струи твои по брегамъ, и омой землю, стопами кровопійственныхъ враговъ оскверненную.

Ужасайтесь неистовые! Всемощная десница Божія уже готова поразить васъ. Разгнѣванныя, оскорбленныя вами Небеса изъ полной чаши своей, скоро излiютъ проклятіе на главы ваша. Неистовство и коварство не долго торжествуютъ — истина помрачаетъ ихъ скоро. Мужество Россовъ скоро прекратитъ путь безбожному честолюбію хищнаго владыки вашего.

*

Ни одинъ звѣрь еще отъ сотворенія міра не терзалъ съ равною жестокостію себѣ подобнаго. Ворвавшись въ предѣлы мирнаго Государства, презрѣвъ союзъ, забывъ человѣчество, подгнѣтаемые гордостію мечтали вы овладѣть онымъ — суетное, адское желаніе! и вы не содрогнулись предать пламени люшому — города, села и веси, въ которыхъ спокойствіе и миръ положили селеніе свое!

Уже ли забыли вы, что есть Богъ правды, отвращающій лице Свое отъ законопреступниковъ, и грозно, грозно наказующій оныхъ? Каждый камень изъ сихъ развалинъ, по которымъ блуждаетъ взоръ мой, вопіетъ объ отмщеніи. Земледѣльцы при полныхъ житницахъ не поютъ веселыхъ пѣсней, незлобивыя овечки не прыгаютъ съ холма на холмъ, быстроногій заецъ далеко убѣжалъ отъ звука оружія, миролюбивые поселяне не наслаждаются болѣе тишиною. Они устремились на врага — и матери оплакиваютъ смерть чадъ своихъ.

Гдѣ процвѣтало благоденствіе, гдѣ гремѣла слава Москвы побѣдоносныя — теперь уныніе и горесть, ужасъ и безмолвіе, вопли и стоны ограбленныхъ отвратительные крики филиновъ, пронзающіе слухъ. Странникъ, приближающійся къ симъ мѣстамъ ужасается, цѣпенѣетъ, хочетъ удалиться, но какое-то неизвѣстное чувство говоритъ ему: ободрись! се плоды варварства, — пожалѣй о нихъ, и возненавидь разрушителей. Онъ подходитъ къ берегу, садится, кладетъ посохъ, горесть объемлетъ его воображеніе, онъ мыслитъ о величіи Москвы, сравниваетъ настоящее ея положеніе съ прошедшимъ — и слезы горести катятся изъ глазъ его; взираетъ на блѣдную Луну, на густые лѣса, на неизмѣримыя развалины — трепещетъ и удаляется. — О странникъ! не бѣги сихъ мѣстъ — здѣсь обитали и соотчичи твои, нехотѣвшіе пережить славы и величія града сего, — въ мирѣ да покоится прахъ ихъ!

Еще не вышли изъ памяти нашей тѣ геройскія времена, когда освобож-

денъ былъ градъ сей, безсмертнымъ Пожарскимъ. Еще мы помнимъ о чудесахъ храбрости Россійской. Да отомстятъ же и нынѣ Герои Сѣвера пвое паденіе, да отомстятъ грабителямъ, думающимъ, что потомки древнихъ Славянъ не въ состояніи имъ противиться; мечтающимъ, что достигли величія и славы варварствомъ своимъ. Вселенная будетъ гнушаться вами — о враги цѣлыя Европы! Хищный владыка вашъ съ радостной, но злобною улыбкою, взиралъ на пламя Москву пожирающее. Онъ думалъ, что имѣетъ дѣло съ народомъ робкимъ; но Россіяне не привыкли преклонять колѣна предъ непріятелями — мужество и неустрашимость всегда были ихъ спутниками. Смиритъ васъ мужественная рука Россовъ.

О Петръ и Екатерина! что бы изрекли вы узрѣвъ опустошеніе, произведенное пигмеями презрѣнными, въ странѣ исполиновъ Сѣверныхъ? Мщеніе и проклятіе, проклятіе и мщеніе!

Вотъ поле сраженія, вотъ мѣсто, гдѣ гремѣла слава Столицы древней, гдѣ

величественная глава ея устрашала покушавшихся на ея разрушеніе. О Луна! почто освѣщаешь ты сіи развалины, да неузрятъ Москву падшею, да царствуетъ въ сихъ мѣстахъ доколѣ безмолвіе и мрачность! Но что я говорю? — немерцающій свѣтъ славы озаритъ ее. Воспрянувшее мужество Россовъ оживитъ сердца, угнѣтенныя унынiемъ. Коварство и лесть познаютъ срамоту свою, взалчутъ убѣжища и не обрящутъ его.

О безсмертный Суворовъ! возстани — явися въ видѣ грознаго мстителя, пролей гнѣвъ твой на враговъ Россіи — и еще разъ вѣнчай чело твое безсмертіемъ. Суетное желаніе! Развѣ Михаилъ поборникъ правды, не есть вторый Суворовъ — развѣ не онъ принудилъ изверговъ искать спасенія въ лыстѣхъ конскихъ? —

Правая рука его, знаменитый Герой — Багратіонъ, не живетъ болѣе на свѣтѣ; рука, наносящая непріятелямъ смертоносные удары — охладѣла, взоръ, проникающій сокровеннѣйшія движенія непріятелей, померкъ. Онъ палъ; —

но не пало съ нимъ мужество Россовъ. Ожесточеніе придало имъ новыя силы, — отмстимъ за Героя, воскликнули они, и съ крестомъ въ сердцѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, устремились на враговъ, сразились --- и враги ужаснулись.

Тѣнь Багратіона носилась надъ главою войскъ Россійскихъ, и сердца ихъ, воспламененныя мужествомъ, горѣли еще болѣе любовію къ Отечеству. Багратіонъ, увѣнчанный лаврами безсмертія, наслаждается теперь вѣчною жизнію. И если на землѣ не успѣли увѣнчать главу его; --- то самъ Господь на Небеси увѣнчаетъ ее. Онъ былъ на землѣ неусыпенъ, за то теперь почіетъ въ вѣчности, наслаждаясь блаженствомъ, истымъ Героямъ предоставленнымъ.

Но кто шествуетъ въ дали, кто приближается ко мнѣ мѣдленными и легкими шагами? призракъ.... а призракъ.... привидѣніе, возставшее изъ подъ развалинъ.... Власы его развѣваются тихимъ вѣтромъ, глаза свѣркаютъ, видъ бодръ и неустрашимъ, важность видна во всемъ станѣ.... какая величе-

ственная поступь! Онъ подобенъ древнимъ Россійскимъ Героямъ — можетъ быть.... Кто ты? вопросилъ меня голосъ нѣсколько суровый. Россіянка, Россіянка! Хвала Всевышнему! но для чего ты въ мѣстахъ сихъ? Я пришла ожидать уничиженіе града славнаго — вотъ его развалины, врагъ упѣшается ими — возплачь со мною; — но кто ты великій мужъ? Пожарскій! Пожарскій! Ахъ Герой! защити любезное Отечество наше — оно страждетъ. Внемли, рѣкъ онъ, гласомъ истины говорю тебѣ, вѣщай соотечественникамъ нашимъ, что Всемощный съ высоты Небесныя милостиво взираетъ на ихъ подвиги, и испытавъ ихъ неустрашимость ниспошлетъ побѣду надъ врагами. Да не ослабѣетъ упованіе ихъ на Бога, крѣпкаго во бранѣхъ, — теплая вѣра да озаритъ путь ихъ, и Россія возторжествуетъ. Москва будетъ возстановлена, и грядущіе вѣки воспоютъ славу и героисшво народа.

О гласъ упѣшительный! радуйтесь Россіяне, громко восклицая: съ нами

Богъ! Радуйтесь потомки Славянъ! вамъ одолжена будетъ Европа своимъ спасеніемъ, — на васъ взираютъ теперь всѣ народы. Бодрствуйте, наляцайте и успѣвайте; — благодарное потомство васъ будетъ чтить и прославлять.

Какъ Геніевъ земли щитать полу-богами
И клясться вашими святыми именами.

РОМАНСЪ,

Писанный во время нашествія Французовъ въ Москву, Россіянкою къ супругу, тамъ въ плѣну находящемуся. —

Не спѣши голубчикъ милый
Къ другу съ вѣсточкой въ Москву,
Но свернувши сизы крылы
На мой теремъ опустись.
Не ненастья я страшуся,
Ты къ нему привыкъ давно,
Но пернатыхъ стрѣлъ боюся,
Врагъ ихъ пуститъ и въ тебя.
Тайну онъ мою узнаетъ,
Цѣпь на миломъ зазвучитъ,
Горесть грудь мнѣ растерзаетъ
Ускоритъ ко гробу путь.
Хоть неволя и ужасна
Русской къ оной не привыкъ,
Но любовь къ отчизнѣ стрепна
Скоро бѣдства прекратитъ.
Скоро плѣнники злощастны
Узрятъ вольными себя,
Пріймутъ въ руки мечь ужасный
Смерть злодѣямъ нанесутъ.

Кости предковъ да возстанутъ
Имъ отмщенье изрѣкутъ,
На нихъ громы грозно грянутъ
Радость Россамъ возвѣстятъ.

Богъ сильнѣе сильныхъ свѣта,
Наши видитъ Онъ сердца,
Нѣтъ любезнѣе предмѣта
Вѣры теплыя къ Нему.

Ею грудь мою питаю,
Ей спасени будемъ мы,
Иныхъ способовъ не знаю
И спокойствіе храню.

Не лети же сизокрылый
И навремя успокойсь;
Знаетъ другъ сердечный, милый
Сколь онъ дорогъ для меня.

ГЛАСЪ РУССКАГО

НА НОВЫЙ 1813 ГОДЪ.

Sunt homicidae, tiranni, fures, adulteri, raptores, sacrilegi, proditores. At infra ista omnia ingratus est: nisi quod omnia ista ab ingrato animo sunt, sine quo vix ullum magnum facinus accrevit.

Seneca.

„Мы теперь въ войнѣ съ Франціею, „но гораздо бы лучше было, ежели бы „мы были въ войнѣ съ ея обычаями: зем„ля легкомыслія, есть земля разврата и „порока“ сказалъ нѣкогда глубокомысленный Іонгъ. Не каждой ли благомыслящій Россіянинъ, истинный сынъ Отечества, долженъ воскликнуть то же при настоящемъ теченіи дѣлъ? Грозная туча нещастій, разразившаяся надъ нами, не есть ли слѣдствіе тѣхъ вредныхъ паровъ, коими издавна дышали между нами сіи гнусные Пигмеи изкаженной древней Галліи? Безчисленные и плачевные опыты неимовѣрнаго коварства, еще ли не убѣдили насъ въ мрачности душъ

сихъ пресмыкающихся и плежущихъ тварей? Питаясь съ избыткомъ отъ крупицъ столовъ нашихъ, или лучше, пользуясь большею частію стяжаній нашихъ, какимъ воздаяніемъ воздали они намъ? Разтлѣніемъ нравовъ, презрѣніемъ ко всему отечественному, внѣдренными въ сердца юныхъ отраслей знамѣнитыхъ предковъ, влекущими за собою еще горшія слѣдствія. Мы конечно не переживемъ сего нещастія; но развѣ старецъ, стоящій на прахѣ вѣчности, можетъ не желать лучшей участи остающимся по немъ чадамъ? Истинный гражданинъ, вѣрный сынъ Отечества, не можетъ умереть спокойно, доколѣ померкающій взоръ его не узритъ снова водворенными рѣдкихъ добротъ предковъ своихъ, въ серцахъ любимыхъ имъ сограждань. —

Добросердые соотечественники! вы всѣ живо чувствуете рану, нанесенную любезному Отечеству нашему. Я не буду разтравлять ее: — обратите токмо взоры на слёзы ліющіяся изъ глазъ безпріютныхъ собратій; склоните токмо слухъ вашъ къ тяжкимъ вздохамъ, изъ

разтерзанныхъ грудей ихъ вырывающимся: — и сего довольно, что бы отпрясти мракъ отъ очей нашихъ. Послѣ сего признайтесь чистосердечно, спояпъ ли пришлецы Юга почтеній вами воздаваемыхъ; но хотя вы умолкнете для вящшаго торжества ихъ, и пусть они будутъ уважаемы вами какъ и прежде; то сама земля, обагренная кровію собратій вашихъ, и кровію проліянною мечемъ беззаконно извлеченнымъ, простонетъ на главу ихъ тяжкое проклятіе.

Злодѣйства — названія коимъ надлежитъ отыскивать въ словарѣ самаго сатаны, большую часть Европы привели въ недоумѣніе и принудили съ трепетомъ преклонить колѣна предъ алчнымъ завоевателемъ — предъ идоломъ изсѣченнымъ раболѣпствомъ подлою и гнусною корыстію. Однѣ души слабыя и робкія всему довѣряютъ слѣпо; мужественныя и великія все испытываютъ, ни чего не предоставляя случайности и удачѣ. Прочтите Исторію предковъ нашихъ и покажите хотя одинъ примѣръ, которой бы доказывалъ тому противное.

Ослѣпленіе наше было слишкомъ велико — и мы жестоко за него наказаны. Издавна привыкли мы думать, что въ нѣдрахъ Отечества нашего не довольно людей доспойныхъ, коимъ бы съ пользою можно ввѣрить воспитаніе юношества. Не умаляетъ ли славы временъ протекшихъ постыдная мысль сія? Развѣ ПЕТРЪ и ЕКАТЕРИНА вотще пеклися о благѣ своего народа? или мы далеко отстали отъ просвѣщенія предковъ нашихъ? Горестная истина! — Обольщенные ложнымъ блескомъ просвѣщенія, утратили доброту прежнихъ обычаевъ, въ постыдной мѣнѣ на чужеземные.

Когда просвѣщеніе ограничивалось изученіемъ незыблемыхъ правилъ вѣры и знаніемъ языка отечественнаго; тогда рѣдко имѣли нужду въ зыблющихся опорахъ чужеземныхъ. Тогда истина неомрачаемая ложными умствованіями, достигалась кратчайшею стезею. Нынѣ же сердобольные родители ижидивши половину имущества своего, на образованіе чадъ своихъ, — едва ли смѣютъ ожидать отъ нихъ себѣ утѣшенія въ дряхлой

старости. Ложное искуство нравиться замѣнило полезныя услуги Отечеству. Возжелавши вдругъ содѣлаться всевѣдущими и спѣша узнать все слегка, познали токмо пищепу своихъ домогательствъ.

Многіе дошедши до труднѣйшихъ исчисленій Архилидовыхъ, едва ли въ состоянiи безъошибочно показать число буквъ, отечественный языкъ составляющихъ. Почитая себя ученѣе древнихъ Грековъ, единственныхъ любителей и любимцовъ Музъ, пишемъ однѣ Шарады и Каламбуры. — Умѣя говорить на многихъ языкахъ чуждыхъ о теченiи планетъ, о воздушныхъ явленiяхъ; на природномъ, едва ли умѣемъ выпросить хлѣба. Зная всѣ утонченные изгороты языка Французскаго — съ трудомъ можемъ измѣнять по падежамъ словъ: Богъ.

Что сіе значитъ? гдѣ источникъ зла того? — въ слѣпомъ пристрастiи ко всему чужеземному, въ нѣдрѣ семействъ нашихъ.

Люди наскучившіе законами и правленiемъ страны своея, или лучше, из-

гнанные ими, пришли научать насъ. И чему же? — (не зная чего мы были бы честнѣе и гораздо спокойнѣе.) Ложному понятію о чести, кривымъ толкованіямъ о вѣрѣ, законахъ и правленіи, нетерпѣливости въ прудахъ, легкомысленности, вѣтренности, кощунству.

Такимъ образомъ овладѣвъ умами нашими, могли ли они не мечтать о завладѣніи нашею землею и достояніемъ нашимъ? Бывъ подкрѣпляемы въ льстивыхъ надеждахъ, вѣроломнымъ вторженіемъ единоплеменниковъ въ предѣлы наши, съ радостною улыбкою спѣшили они повсюду проповѣдывать и великодушіе и кротость и милость кровожаднаго завоевателя. Въ умахъ же невѣрующихъ гнусному ихъ обаянію, старались поселить уныніе и страхъ, увеличивая несказанно число враговъ нашихъ.

Они явно дерзали говорить, что Россія въ случаѣ упорства, погибнетъ невозвратно, не имѣя полководцевъ достойныхъ сразиться съ опытнѣйшими и искуснѣйшими предводителями войскъ французскихъ. Между тѣмъ мы не пе-

реставали жаждать ихъ наставленій для неопытнаго юношества — и добрыя матери почитали совершенно потерянным тотъ день, въ которой дѣти ихъ не имѣли щастія воспользоваться мудрыми наставленіями всевѣдцовъучителей. Ахъ, если бы каждый истинный Россіянинъ узналъ, въ чемъ состоятъ и къ чему клонятся ихъ наставленія! Сердце бы его облилося кровію, и онъ пожелалъ бы лучше никогда не имѣть дѣтей, нежели имѣя ихъ, быть принужденнымъ, отдавать на воспитаніе симъ изкаженнымъ людямъ.

Я имѣлъ нещастіе слышать (притворясь несвѣдущимъ въ ихъ языкѣ), какъ одинъ изъ нихъ училъ Россійское юношество Отечественной Географіи. Вмѣсто того, что бы показать съ точностію всё, чѣмъ изобилуетъ обширнѣйшее Государство Россійское, онъ рѣшилъ однимъ несмысленнымъ восклицаніемъ.

„Ce pays ne produit de remarquable que du „fer et du bois; la religion est un chaos de pré„jugés et de superstition; la langue est remplie

„d'expressions vagues et barbares.„ *) *И обаяніе вниде во уши ихо. Да постыдятся вси кланяющіися истуканнымъ и хвалящіися о идолѣхъ своихъ* **).

Они научили насъ не дорожить стяжаніями предковъ, стоящими пота и крови; они изгнали любезную простоту изъ домовъ нашихъ, замѣняя ее ложнымъ блескомъ и принужденностію. Гоняясь за удовольствіями свѣта, мы нынѣ находимъ одну только скуку. Супружество содѣлалось скоропреходящимъ обязательствомъ, которое можно свергнуть всегда, если выгоды того требуютъ. Все любезное для предковъ нашихъ кажется грубымъ, постылымъ: но умолкнемъ....

Если нещастія, посѣтившія насъ въ 1812 году, и произведшія глубокія раны въ сердцѣ каждаго, не могли еще пробудить вниманія нашего — ко всему насъ

---

*) Assiduitate qvotidiana et consvetudine oculorum assvescunt animi, neqve admirantur. neqve reqvirunt rationes earum rerum, qvas vident. cic. de natura Deor. Lib. II.

**) Псал. 96, ст. 7.

окружающему, если и послѣ всѣхъ горестей, угнѣтающихъ сердца наши, мы не знаемъ причины оныхъ, если всѣ мудрыя наставленія спарцевъ, за свято почитающихъ нравы и обычаи древнихъ Славянъ, остануться недѣйствительными; то воздадимъ теплыя молитвы Господу — да Онъ по безконечной своей благости, внушитъ надежнѣйшія средства созидать блаженство семѣйствъ нашихъ.

Согласно съ мудрыми попеченіями бдительнаго правительства, возлюбимъ единую истинну и облобызаемъ правду. Для свѣденій неопытнаго юношества предложимъ токмо нужное и полѣзное. Не будучи развлечены многопрудными и разнообразными занятіями, они скорѣе познаютъ истинны, могущія быть имъ руководителями во все теченіе жизни ихъ.

Пустъ франція будетъ извѣстна имъ по однимъ токмо Географическимъ свѣденіямъ, и помрѣ золъ ею намъ нанесенныхъ: будемъ увѣрены, что ученіе жителей ея, издавна переселившихся къ намъ, принесло болѣе вреда, нежели

пользы. Безчисленные опыты варварства и безчеловѣчія не ясно ли доказали, колико они благодарны намъ за наше чистосердечіе и ласки.

(*Продолженіе впредь.*)

СУДЬБА ФРАНЦІИ.

Разверзлись Небеса --- о чудное явленье!
На землю Ангела зрю быстрое паренье;
Вокругъ его лучи, горящъ Перунъ въ дѣсной,
Оливна въ шуйцѣ вѣпвь, блескъ молній надъ главой,
Паритъ -- и въ воздухѣ путь дальній сокращая
Глаголалъ, громомъ словъ мнѣ душу потрясая:
Я зрѣлъ --- но блескъ лучей мнѣ зрѣнье препиналъ,
Благоговѣлъ и се слова, что онъ вѣщалъ:
„Сыны любимаго пославшимъ мя народа!
„Терпящи, страждущи въ теченье прошла года,
„Отриньте скорбь сердецъ, забудьте плачь очесъ:
„Я посланъ возвѣстить вамъ радость отъ Небесъ.
„Велика радость та, ликуйте средь восторга!
„Блажите часть свою, благословляйте Бога;
„Онъ внялъ моленіямъ у вашихъ олтарей,
„Услышалъ стонъ и плачь скорбящихъ матерей,
„Увидѣлъ ихъ сыновъ и дщерей безъ пріюта,
„Тронулся и изрѣкъ: я буду имъ защита!
„Воздвигну яко вихрь губительный войну,
„Смирю враждующихъ злокозненну страну,
„Изсуну правды мечь и поражу злодѣевъ ---
„Возставшихъ противъ васъ эхидныхъ пигровъ, змѣевъ . . .

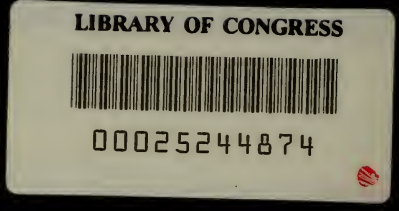
„Да предъ лицемъ моимъ изчезнутъ яко прахъ,
„Ихъ память погублю въ грядущихъ племенахъ;
„Наполню ихъ страну и срамомъ, и позоромъ,
„И гнусною явлю передъ Вселенной взоромъ;
„Судомъ ихъ посужду и мщенію предамъ
„Ихъ воплямъ загражду путь къ щедрымъ Небесамъ;
„Да язвенни падутъ на стогнахъ безъ покрова
„Смерть! смерть! имъ нѣтъ пристанища другова.“

Печатать позволяется.
С. Петербургъ, 14 Генваря 1813 года.
Цензоръ Ив. Тимковскій.

Печатано въ Типографіи *И. Байкова,* 1813 года.

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111


LIBRARY OF CONGRESS
00025244874